Ничья в любовной игре

Автор:
Джоанна Рок

Ничья в любовной игре

Джоанна Рок

Поцелуй – Harlequin #158

Татьяна Дусе умна, очень хороша собой и влюблена в знаменитого футболиста и представителя богатейшего клана Рейно. Судьба то соединяла, то разлучала их. Однажды они провели вместе счастливую, страстную ночь любви, а наутро он ушел, сказав, что все было ошибкой. Лишь спустя год они встретились снова. И Татьяна повергла Жан-Пьера в шок, представив ему их маленького сына, наследника Рейно…

Джоанна Рок

Ничья в любовной игре

Joanne Rock

Secret Baby Scandal

© 2016 by Joanne Rock

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

* * *

Глава 1

Автор статей о «Гладиаторах» Нью-Йорка с микрофоном в руке ожидал квотербека Жан-Пьера Рейно в комнате для интервью спортивного комплекса «Колизей».

– Отличная игра, Рейно.

Усаживаясь в складное парусиновое кресло в маленькой застекленной будке после третьей домашней победы подряд, Жан-Пьер был готов ответить на все вопросы репортера. За стенами помещения толпились тысячи болельщиков. Они не спешили покидать тренерский клуб «Колизея», хотели увидеть, как игроки по очереди отчитываются перед прессой после игры. Здесь фанаты расслаблялись и пропускали в баре по стаканчику, ожидая, пока не рассосутся пробки после воскресного вечернего матча против Филадельфии.

Прикрепив маленький микрофон к лацкану пиджака правой рукой, которая недавно сделала победную передачу, Жан-Пьер коротко помахал толпе. Высокие цены на билеты в эксклюзивный тренерский клуб не мешали фанатам приносить с собой яркие плакаты или просить автографы, но охрана зорко следила за тем, чтобы такого рода события проходили без сучка и задоринки. Менее чем через тридцать минут Жан-Пьер умчится, чтобы успеть на ночной частный самолет до Нового Орлеана. Он должен позаботиться о семейных делах Рейно.

Кроме того, он планировал тактично разведать, как обстоят дела в «Ураганах» Нового Орлеана. Вскоре состоится широко разрекламированное футбольное шоу брат-против-брата. Старший брат Жан-Пьера, Жерве, владеет «Ураганами». Следующий по старшинству, Дэмпси, – тренер «Ураганов». А Анри Рейно, известный как Байу Бомбер, поддерживает «Ураганы» с позиции квотербека, рукой закидывая подачи с рекордного расстояния.

Будучи младшим представителем богатейшего семейства Луизианы и совладельцем судоходной империи Рейно, Жан-Пьер, как и его братья, унаследовал любовь к игре от отца и деда. Однако он единственный посмел строить карьеру вне родного штата и за пределами сферы влияния своей семьи, за что газеты Нового Орлеана окрестили его «Луизианским оборотнем». Но Жан-Пьер был не таким человеком, чтобы играть в тени своего прославленного брата, и ему было все равно, что скажут ученые мужи от спорта. И когда «Гладиаторы» сделали ему предложение, он с радостью принял его, как только оправился от шока. Дело в том, что Джек Дусе стал заклятым врагом семейства Рейно после ссоры между двумя кланами, связанной с футболом. Джек был вторым человеком в техасской команде, которой владел дед Жан-Пьера, и разрыв повлек за собой не только вражду, но и оборвал краткий школьный роман Жан-Пьера с дочерью Джека, когда Дусе переехали на другой конец страны.

Жан-Пьер очень удивился, когда команда Джека предложила ему контракт с «Гладиаторами». Нью-Йорк – большой город, здесь есть где развернуться и проявить себя достойным наследником футбольной семьи, но ошибок он не прощает.

– Ты готов? – спросил его сотрудник спортивного радио Нью-Йорка, когда репортеры окружили его плотной толпой.

Жан-Пьер кивнул, убрал со лба мокрые волосы и поправил галстук. Его мускулы все еще горели от напряжения, ему было жарко, а тут еще этот костюм с галстуком, надетый специально для интервью. После двухчасового забега по полю шелковый пиджак по ощущениям воспринимался как шерстяное одеяло.

Вокруг все стихло. Двери заблокировали. В ожидании первого вопроса Жан-Пьер посмотрел поверх голов репортеров на толпу фанатов. Взгляд Жан-Пьера переместился туда, где сидел владелец команды, устроивший прием для своих почитателей в дальнем конце бара вместе с другими не такими популярными знаменитостями и несколькими игроками-первогодками.

И в тот самый момент, когда ему следовало сконцентрироваться на журналистах, он увидел ее.

Дочь главного тренера, Татьяну Дусе. Проведенная с нею в прошлом году жаркая ночь уничтожила все шансы на восстановление их дружбы. Но, черт

побери, ему хватило одного взгляда на нее, чтобы утроился жар, пылавший в его теле после игры.

Он ослабил галстук, не в силах оторвать от нее глаз.

Высокая, стройная, она была в ярком платье, усеянном блестками, со скромным вырезом под горло и длинными рукавами, обхватывающими запястье, но зато таком коротком, что практически не скрывало ее великолепных длинных ног. Шелковым шарфом Татьяна попыталась усмирить копну рассыпавшихся по плечам каштановых кудрей. Кудрей, в которые он зарывался руками во время самого восхитительного секса в его жизни. Жан-Пьер не видел Татьяну с той самой ночи.

Она стояла в дальнем конце зала, держась ближе к выходу, словно в любую секунду была готова сбежать.

Жан-Пьер так разволновался, что пропустил первый вопрос интервью. Усилием воли он взял себя в руки и, не глядя на женщину, продавшую душу ради своей работы судебным адвокатом, сфокусировался на микрофоне.

– Будьте любезны, повторите вопрос. – Он попытался устроиться поудобнее и расслабиться.

По смешкам журналистов Жан-Пьер понял: он явно что-то пропустил. Репортеры толпой обступили его, протягивая свои микрофоны. В воздухе повисло ощутимое напряжение.

– Без сомнения, к такому повороту событий невозможно подготовиться. – Репортер из «Гладиатор ТВ», популярного приложения для мобильных пользователей, улыбался ему во весь рот. – Но я просто обязан узнать ваше мнение по поводу замечания Татьяны Дусе, всего минуту назад она заявила, что не стала бы ставить против Бомбера Байу, играющего у себя дома, в матче с командой вашего брата на двенадцатой неделе.

Жан-Пьер чуть со стула не упал. Жестоко. Очень жестоко.

Татьяна действительно так сказала? Подразумевая, что она поставила бы против «Гладиаторов» – команды, которую тренировал ее отец? Или, точнее говоря, против Жан-Пьера.

У ее отца наверняка случится истерика. Не только потому, что кто-то из его семьи собирается сделать ставку на игру, что было строжайше запрещено. Джек Дусе впадет в бешенство оттого, что его родная дочь настраивает прессу в пользу их противника.

Жан-Пьер не стал терять время на то, чтобы в режиме реального времени полюбоваться реакцией тренера, сидящего здесь же. Вместо этого он решил принять экстренные меры по устранению кризисной ситуации и предложить публике свой вариант.

– Полагаю, мисс Дусе решила раззадорить «Гладиаторов» и помочь нам сыграть как можно лучше, даже если это означает подлить масла в огонь. – Он одарил окружающих ослепительной улыбкой.

С десяток репортеров разом накинулись на него со своими вопросами, из-за чего было попросту невозможно расслышать каждого в отдельности. В конце концов всех перекричал сварливый старикашка, сотрудник «Нью-Йорк пост».

– Да ладно вам, Рейно, – процедил он с ухмылкой на лице, записывая что-то в блокнот. – Ее слова вовсе не показались мне игривыми. Если даже дочь тренера не верит в вас…

– Эй, постойте-ка, – оборвал его Жан-Пьер, не давая ему направить беседу в гиблое русло. – Мы с Татьяной вместе ходили в школу, и я прекрасно знаю ее. Я гарантирую вам, что она просто пошутила.

Несмотря на убедительность, которую он постарался вложить в свои слова, в комнате наблюдалось нездоровое оживление. Жан-Пьер не собирался позволять легкомысленной девице одной фразой отвлечь внимание прессы от тяжелого труда «Гладиаторов». Подобные заявления затмевают суть – игру. Весь чертов сезон.

Поэтому он солгал, скрепя сердце, продолжая улыбаться:

– Вообще-то Татьяна едет со мной в Новый Орлеан в качестве особого гостя семейства Рейно. Она ждет не дождется снова посетить страну Байу.

Он посмотрел через стекло туда, где стояла Татьяна, но та уже исчезла. Без сомнения, она не собирается отвечать за последствия своих поступков. Или отчитываться перед отцом.

Или встречаться с ним? Да, это волновало его больше, чем следовало бы. Но он не мог отрицать, что скучает по ней.

Когда они были подростками, Татьяна проучилась два года в частной средней школе, расположенной в получасе ходьбы от поместья Рей-но. К тому же она частенько навещала их дом у озера Пончартрейн, когда они были детьми.

Над тишиной, повисшей после объявления Жан-Пьера, можно было бы посмеяться, если бы ему не пришлось отбивать подряд два вопроса, не связанные с только что закончившейся игрой. Но на мгновение ему все же удалось положить репортеров на лопатки.

– Гостья семьи или ваша личная?

Репортер не успел закрыть рот, как вопросы посыпались, словно из рога изобилия.

– Вас не волнует, что прошлой зимой она поддерживала сторону обвинения в деле о сексуальном домогательстве против вашего старинного товарища по команде?

– Приглашена ли она на свадьбу вашего брата?

Репортеры снова пытались перекричать друг друга, и на этот раз у Жан-Пьера была возможность выбирать. Он не имел ни малейшего желания обсуждать те недели, которые они с Татьяной просидели по разные стороны баррикад в зале заседаний суда, когда она включила весь свой талант адвоката, чтобы выиграть гражданский иск против одного из его друзей. Что касается свадьбы, Жерве планировал жениться на иностранной принцессе в Новом Орлеане на пустой неделе команды – неделе, когда не играют ни «Гладиаторы», ни «Ураганы». Но

поскольку Жерве и его невеста делали все возможное, чтобы сохранить детали церемонии в секрете, то и этот вопрос останется без ответа. И все же Жан-Пьер был не против того, чтобы пресса решила, будто Татьяна идет на это событие с ним.

Неплохо бы как минимум удостовериться, что она действительно пойдет с ним на свадьбу брата. Их совместным пламенным прошлым придется пренебречь, поскольку он не может позволить Татьяне пустить под откос свою карьеру.

Она достаточно хорошо разбирается в политике, чтобы понимать, что такие комментарии не проходят бесследно. Она обязана помочь ему погасить пламя, которое сама разожгла. Одному Господу известно, почему она так поступила, ведь обычно в отношении личной жизни она была так же осторожна, как и в зале суда.

– Есть ли у вас вопросы по поводу сегодняшней игры? – спросил Жан-Пьер, решив, что сказал достаточно, чтобы опровергнуть замечание Татьяны.

Он обвел взглядом помещение и убедился, что пропала не только Татьяна, но и ее отец. Наверное, Джек отчитывает ее где-нибудь в темном уголке. Но опять же, старик всегда ставил футбол выше семьи. С ним было легко тренироваться, но хорошим отцом он не был.

Жан-Пьер отбил еще несколько вопросов, быстренько изложив свои решения относительно пары проходов и обсудив спорную подачу. И вот он уже отстегивает микрофон, чтобы передать его следующему игроку, звездному защитнику Тевону Альваресу.

– Вот это самообладание, чувак, – прошептал Тевон на ухо Жан-Пьеру. – Ты мой кумир, лучше тебя никто перед писаками не держится.

– В НФЛ я каждую неделю имею дело с самыми подлыми оборонительными планами, – ответил Жан-Пьер. – Писаки по сравнению с этим – слабаки.

Жан-Пьер вошел в туннель, ведущий к комнате отдыха игроков, но на середине пути передумал и повернул обратно, к тренерскому клубу. Он не собирался покидать стадион, не переговорив для начала с Татьяной. Может, она успешно пряталась от него с самой зимы, но своим сегодняшним высказыванием перед

прессой вновь вихрем ворвалась в его мир. И теперь он планировал удерживать ее рядом с собой до тех пор, пока не затихнет скандал.

В профессии Татьяну Дусе почитали за трезвую голову и способность трансформировать свои мысли в разумные аргументы. Поэтому было так глупо, что в тот день, когда ей предстояло сделать самое важное в ее жизни и крайне личное объявление, она на нервной почве выдала какую-то ересь, причем не кому-нибудь, а репортеру! Публично!

Татьяна сложила коктейльную салфетку и промокнула ею лоб. О чем она только думала, откровенничая подобным образом с незнакомцем в баре-мороженое? Она не заметила на нем значка репортера – наверное, он его снял. А вот диктофон не выключил, это точно. Оглядываясь назад, она поняла, что он специально подсел к ней, пытаясь выудить из нее комментарий относительно предстоящей игры с «Ураганами».

И она попалась на его удочку, потому что слишком нервничала из-за предстоящей встречи с Жан-Пьером. Неожиданно для самой себя она отпустила такую цитату, которую нью-йоркская пресса будет обсуждать не одну неделю. Отец убьет ее, когда найдет. Но пока ей удавалось улизнуть от него. Подземные коридоры «Колизея» были узкими и гулкими, и ей не составляло труда держаться на шаг впереди от тренера, который метался по ним, точно разъяренный бык.

Да, конфронтацию с отцом она может отложить, но вот разговор с другим мужчиной, у которого есть все причины злиться на нее, – нет.

И этот мужчина – квотербек «Гладиаторов», Жан-Пьер Рейно.

Она не могла задержаться в тренерском клубе, чтобы услышать, как Жан-Пьер ответил репортеру, процитировавшему ее заявление. Она развернулась на каблуках и вылетела оттуда стрелой. Но она должна найти Жан-Пьера сегодня же. То, что она сказала, было предназначено исключительно для его ушей.

У них была долгая история отношений, включая роман в средней школе, который закончился из-за внезапно возникшей вражды между их семействами. Затем, встретившись вновь много лет спустя, они оказались на противоположных

сторонах в деле о сексуальном домогательстве, которое она вела против товарища Жан-Пьера по команде. Жан-Пьер приходил в зал суда ежедневно после тренировок, пока ушедшему на покой футболисту не вынесли обвинительный вердикт. Татьяна вся светилась от одержанной профессиональной победы, пока разъяренный Жан-Пьер не поставил ее в известность, что она разрушила репутацию невиновного человека.

Даже теперь она не понимает, как их ссора могла перерасти в самую страстную ночь в ее жизни, но его ледяные слова на следующее утро она прекрасно поняла.

«Эта ошибка больше не повторится».

Она как раз готовила ему завтрак и надеялась… на что? На то, что между ними возникло взаимопонимание, хотя уже к двадцати годам стало понятно, что они не подходят друг другу? Уязвленная гордость и стыд за глупое поведение долгие месяцы не давали ей открыть рот. Но сегодня вечером ей придется забыть старые обиды и встретиться с ним лицом к лицу.

И чем быстрее это произойдет, тем лучше, потому что ей пора домой. Стоя в пустом коридоре перед закрытой дверью офиса, Татьяна размышляла над тем, где найти Жан-Пьера.

Татьяна направилась обратно тем же путем, которым пришла, свернула за угол и чуть не врезалась в объект своих поисков.

– О! – воскликнула она, схватив его за руку, чтобы удержаться на ногах.

– Ш-ш-ш! – Жан-Пьер прижал ее к своему боку и накрыл ее рот ладонью. – Там съемочная группа. – Он кивнул на рампу впереди справа от него.

Татьяна напряглась от его прикосновения. Его запаха. Его мужественности. Он смотрел на нее с высоты шести футов трех дюймов своими карими глазами с золотыми и зелеными крапинками. Она сильно запала на него в приготовительной школе – первая любовь с привкусом горечи оттого, что их насильно оторвали друг от друга после внезапного разрыва между их семьями. Конечно же они оба продолжали жить дальше, ведь две тысячи миль, образовавшиеся между ними, – не менее эффективное средство разлучить

влюбленных, чем хорошо разрекламированная в прессе вражда. Но когда он вступил в ряды «Гладиаторов» и она увидела его на какой-то вечеринке, ее снова потянуло к нему. Однако, судя по ледяным словам о судебном разбирательстве прошлой зимой, чувство это не было взаимным. Она до сих пор недоумевает, как яростная конфронтация в суде обернулась любовной горячкой.

И вот теперь, полыхая огнем, она лишь кивнула, прекрасно зная, что им следует избегать прессы.

Он хмуро смотрел на нее, не двигаясь с места.

– Что? – прошептала она, дрожа всем телом.

– Мы могли бы позволить им найти себя, – предложил он, осматривая ее с ног до головы и взвешивая эту идею. – И дать им заснять нас целующимися.

– Ты с ума сошел? – возмутилась она и схватила его за рукав, потянув в противоположном направлении.

Но он не двинулся с места.

– Это раз и навсегда покончило бы со слухами о нашей вражде, – сказал он.

Они несколько мгновений стояли лицом к лицу в полной тишине, пока Татьяна не услышала эхо шагов в северном коридоре.

– Мы и есть враги, – напомнила она ему, снова дергая его за руку. – То, что вы с моим отцом наладили отношения и ты начал играть в Нью-Йорке, еще не означает, что Рейно и Дусе вдруг стали друзьями. Когда твой дед уволил моего отца с должности директора по персоналу в «Мустангах», он как бы объявил нам войну.

Ее отец перевез семью на другой край страны, забрав Татьяну из школы и потребовав прекратить всяческие отношения с Жан-Пьером. И если отец был не слишком настойчив, то мать в данном вопросе оказалась абсолютно несгибаемой. Семнадцатилетней Татьяне просто пришлось подчиниться родителям и оставить Жан-Пьера в прошлом… и так было до того самого дня,

когда он встретился с ней после суда и вновь всколыхнул все ее чувства.

– Думаешь, я не помню? – Он вел ее вглубь закрытой территории стадиона. – Но я бы назвал нас жертвами этой войны, а не врагами. В любом случае я бы предпочел не выносить сор из избы перед журналистами.

– Я это понимаю. – Ее сердце было готово вырваться из груди, хотя она уговаривала себя оставаться спокойной. – Я отвыкла общаться с журналистами, иначе никогда не допустила бы такого промаха с незнакомцем. Надо было знать. Прости.

Он коротко кивнул, ничем не выдав своих эмоций.

– Я припарковался вон там. – Он нажал на кнопку сигнализации на ключе, и фары стоявшего поблизости серого купе «астон-мартин» мигнули два раза. – Я мог бы подбросить тебя домой, и мы бы… поговорили.

Интересно, что означает эта пауза, задалась вопросом Татьяна. Он все еще злится за ее комментарий? В любом случае у нее есть к нему разговор.

– Спасибо. – Ее кожа снова покрылась липким потом. – Я приехала сюда на такси, так что с радостью воспользуюсь твоим предложением.

Она подгадала свой приезд так, чтобы не появиться на стадионе до конца игры, надеясь избежать встречи с отцом и отлучиться из дома на короткий срок.

Конец шелкового шарфика, которым она подвязала волосы, зацепился за блестку на платье. Она нервно дернула его, пытаясь освободить, и вырвала с мясом несколько страз. Стекляшки весело запрыгали вокруг нее по полу гаража, пока Жан-Пьер открывал дверцу спортивного автомобиля.

Несправедливо, что он выглядит так безупречно в сшитом на заказ костюме от «Хьюго Босс», а вся ее жизнь трещит по швам. Она раздраженно сдернула шарф с головы и плюхнулась на кожаное сиденье.

Жан-Пьер обошел машину, сел за руль, дал задний ход и, не теряя времени, направился к выезду. Движение после матча уже успокоилось, и они в

мгновение ока оказались на трассе. Татьяна нервничала и никак не могла успокоиться перед тем, как объясниться с Жан-Пьером. Она даже не могла припомнить речь, которую репетировала тысячу раз, просто сидела и теребила бахрому на шарфе.

– Ты не слышала мои ответы на интервью, так ведь? – внезапно спросил Жан-Пьер, вырвав ее из размышлений.

– Боюсь, что нет. – Она обрадовалась возможности отсрочить разговор. – Я сбежала, как только узнала того репортера. Я поняла, что он постарается загнать тебя в угол моим комментарием, и улизнула прежде, чем мой отец успел нажать на спуск и расстрелять меня на глазах у пяти тысяч фанатов.

Она посмотрела на лицо Жан-Пьера, освещенное огнями панели приборов, – великолепный профиль в резкой вечерней тени со свежей царапиной на щеке. Сегодня ему повезло, он легко отделался. Она провела в мире отца достаточно времени, чтобы знать, какую цену иногда приходится платить за славу игрока даже самым сильным мужчинам.

– Я сказал прессе, что ты пошутила. – Он бросил на нее взгляд, успев заметить указатель о приближении к тоннелю Линкольна.

– Конечно, пошутила. Я думала, что говорю с фанатом «Гладиаторов», вот и решила сострить. – Она из опыта знала, что ей не нужно ублажать эго этого мужчины, но ей не нравилась мысль о том, что он может подумать, будто она говорила это всерьез. – Вы с Анри стоите друг друга. Если бы вы сыграли друг против друга десять матчей, я бы поставила по пять на каждого.

– Очень щедро с твой стороны. – Он сбавил скорость, притормаживая в потоке машин у светофора. – И возможно, ты права, учитывая статистику домашних игр. Но вернемся к интервью. Я не просто сказал репортерам, что ты пошутила, но еще намекнул им, что ты будешь моим гостем на пустой неделе и что тебе не терпится навестить Луизиану.

Он произнес это бесцветным тоном, отчего она подумала, что ослышалась. Он не мог так поступить! Она ему больше даже не нравится! Он ясно дал ей это понять, когда в последний раз покидал ее дом.

– Нет. Ты. Так. Не. Сделал, – прерывисто произнесла она.

– Еще как сделал. А что я мог сказать, Татьяна?

– Я просто… – Она судорожно сглотнула. – Это невозможно.

– И все же мы должны устроить это шоу, поскольку твой комментарий поднял в прессе такую волну, что она отвлекает внимание от команды. Я не могу позволить этого. – Он поднял руку и ослабил галстук – настоящий плейбой в дорогой тачке.

– Ты не понимаешь… – начала было она, но он оборвал ее:

– Это ты не понимаешь. – Он съехал на Сорок второй улице. – У меня не было времени посоветоваться с тобой. Ты поставила меня в неловкое положение перед моей командой, лигой, прессой и фанатами.

– Ты прав. Это я понимаю.

Ее груди заныли под платьем, ей нужно было срочно возвращаться домой. Слава богу, все светофоры на Десятой авеню были зелеными, и они пролетели ее без остановок.

– Отлично. Ты уже приглашена на свадьбу моего брата. – Он начал спокойно излагать свой план. – Мы можем вместе посетить церемонию, а потом ты останешься в Новом Орлеане еще на неделю, когда «Гладиаторы» будут играть против «Ураганов». Мне придется ездить на тренировки, но я пробуду там достаточно, чтобы нас успели заметить вместе. Тем самым мы быстро положим конец сплетням о наших семьях. И о нас.

– Отлично, – согласилась она, решив не тратить время на бесполезные споры и прекрасно зная, что все его планы окончатся ничем. – Ты можешь не захотеть взять меня в Новый Орлеан, когда услышишь то, что я хотела тебе сообщить. – Она скрипнула зубами, когда они добрались до Централ-Парк-Уэст и притормозили у подъезда Татьяниного дома. Сердце ее ныло не переставая. – Не зайдешь ко мне на минутку? Мы могли бы продолжить дискуссию.

– Конечно. Нам нужно многое обсудить. – Он остановился рядом с камердинером и передал ему ключи.

В лифте Татьяна сообразила, что она слишком долго откладывала свое объявление, и вскоре слова уже будут не нужны. Гордиться тут было нечем. Но она устала и чувствовала себя неуютно. К тому же разве на нем не лежит половина вины?

И все-таки, как только лифт замер на ее этаже и двери распахнулись, она поняла, что не должна позволить ему узнать правду вот таким образом.

– Нам действительно нужно многое обсудить. – Она резко развернулась к нему, поспешно добавив: – Но совершенно другие вещи.

– Я не понимаю. – Он подозрительно прищурился.

Она сделала глубокий вдох.

– Помнишь ту зимнюю ночь? – Она не стала дожидаться ответа, потому что из глубин ее апартаментов донесся жалобный плач. – Я должна была признаться тебе раньше, но ты ушел на следующий день и сказал, что все было ошибкой. После такого прощания никакие разговоры были попросту невозможны, а потом… ну… – Она покачала головой, злясь на себя. Теперь уже никакие оправдания не имели значения, потому что за входной дверью плакал ребенок. – Проходи, познакомься со своим сыном, Жан-Пьер.

Глава 2

Сын?

Жан-Пьер получал удары от самых жестких, сильных и подлых игроков НФЛ. После этого, бывало, лежал на траве, в ушах у него звенело и все расплывалось перед глазами.

То же самое он почувствовал, входя в квартиру Татьяны, – ее слова медленно доходили до его сознания в сопровождении младенческих всхлипов. Оглушенный, потерявший ориентацию, Жан-Пьер стоял в ее прихожей.

– Мистер Рейно? – Женщина средних лет в простом сером платье вышла из комнаты справа. – Мисс Дусе спрашивает, не будете ли вы так любезны присоединиться к ней в семейном зале. Это мимо лестницы налево. – Она махнула рукой в нужную сторону и ушла по своим делам, взяв что-то из гостиной.

Ярко-голубое одеяльце, бутылочка с молоком. Увидеть эту бутылочку было как получить еще один удар. Ему нужны ответы. Прямо сейчас. Сегодня вечером Татьяна не просто поставила под удар его карьеру своим неосмотрительным замечанием одному из журналистов. Оказывается, у нее в запасе есть кое-что поинтереснее: она хранит самый большой секрет, который навсегда изменит их жизнь.

– Татьяна? – рявкнул он, входя в просторную комнату с видом на Центральный парк.

На стене висели афиши в рамках вперемешку с семейными фотографиями. Татьяна с отцом после церемонии вручения диплома Колумбийского университета. Семейство Дусе у небоскреба перед латунной табличкой ее престижной юридической фирмы. Каждая фотография – напоминание о той жизни, которую он мог бы вести с ней, если бы ее родные не ополчились против него.

В дальнем конце комнаты в камине потрескивали дрова. Рядом с очагом в мягком сиянии света на темном кожаном диванчике на двоих сидела она, прижимая маленький сверток к груди, на обнаженном плече горели отблески пламени – юная мать спустила платье, чтобы покормить малыша.

Ее малыша. Его… сына.

Что-то шевельнулось в груди Жан-Пьера, весь его мир в одночасье переменился.

– Прости, – мягко проговорила она, поймав ладошкой крохотную ножку, которая принялась лягаться, выбившись из одеяльца. – Я уехала из Нью-Йорка на шестом

месяце, чтобы никто ничего не узнал. Я хотела рассказать тебе первому.

Он переступил порог и прошел в комнату.

– А твоя семья?

Опустившись в кресло напротив нее, он сел спиной к шикарному виду на вечерний Центральный парк, не сводя глаз с малыша. Пусть Татьяна объяснит, почему он не в курсе крутого поворота судьбы.

– Они знают лишь то, что я взяла длительный отпуск. Я не могла сообщить им раньше, чем тебе.

Ее тон подразумевал, что события не могли развиваться иначе, но он не видел в этом ни малейшего смысла. Кто скрывает от родных рождение детей? Может, сейчас Жан-Пьер не настолько близок со своими братьями, как раньше, но черт бы его побрал, если бы они утаили друг от друга нечто подобное! Он ведь рассказывал ей, как такой же секрет навредил всей его семье, и в особенности его брату по отцу.

– Полагаю, мне потребуются более подробные объяснения.

– Я должна была так много всего организовать, – продолжила тем временем Татьяна. – Найти акушерку. Для начала я взяла отпуск на работе. Потом поняла, что мне нужно изменить свою роль в юридической практике, чтобы иметь возможность проводить заочные исследования и писать резюме на дела защитников, а не участвовать в судебных заседаниях.

В ее глазах горел огонек тревоги; они светились, точно бриллианты.

Только теперь она поняла, как глупо звучат ее объяснения. Но опять же, она всегда учитывала мнение общества куда больше, чем он. Фото в рамках говорили о том, что у нее была идеальная жизнь без единого промаха. Он не удивится, если узнает, что она впала в панику, пытаясь придумать способ поведать родителям о своей беременности.

– Куда ты отправилась из Нью-Йорка?

– На Карибское море. На Сен-Томасе есть неплохая больница, если бы мне потребовалась помощь. Я сняла виллу на берегу. – Голос ее задрожал. – Я старалась соблюсти приличия. Уберечь свою тайну от прессы и не дать журналистам сунуть нос в нашу старую семейную драму, пока я не поговорю с тобой и мы не обсудим, как будем строить будущее. Но когда все уже было готово и я собралась позвонить тебе, у меня внезапно начались роды. На три недели раньше срока.

При этих словах остатки его гнева испарились. – Он в порядке? А ты? – Сердце Жан-Пьера внезапно сжалось от страха, заглушившего все прочие эмоции. Жена его брата, Фиона, недавно потеряла ребенка. Он понимал, насколько это опасно.

– У нас все хорошо. Тридцать семь недель – это в пределах нормы. В Сезаре было шесть фунтов четырнадцать унций.

Боль в груди утихла, напряжение спало, совершенно неожиданно уступив место нежности.

– Сезар, – повторил он, переместив взгляд на маленький сверток и крохотную беспокойную ножку.

– В честь твоего прадеда и моего…

– …деда, – закончил он за нее, прекрасно зная, что у них обоих в роду были мужчины с таким именем. Он помнил семейное дерево Дусе не хуже своего. Жан-Пьер часто гостил в их доме, когда встречался с Татьяной, пока его дед Леон не уволил Джека из техасских «Мустангов» после двух неудачных игровых сезонов.

Старая обида, о которой теперь придется забыть.

– Нашему сыну пять недель. Мы прилетели с Сен-Томаса два дня тому назад. С нами приехала его няня, Люсинда. Это она сидела с ним сегодня, пока я ездила к тебе.

– Можно взглянуть на него?

– Конечно. – Татьяна подняла малютку. – Вон там салфетка. – Она кивнула на сложенный в несколько раз кусок белой ткани рядом с ней на диванчике. – Накрыть плечо, если хочешь…

Она замолчала, когда он взял ребенка, тут же успокоившегося в крепких, надежных руках отца. По меньшей мере половина «Гладиаторов» успела обзавестись детьми, и Жан-Пьер не раз возился с младенцами во время разных неофициальных мероприятий, но держать своего…

– У него глаза Рейно. – Они были карими с зелеными крапинками. Крохотные ручки прятались в рукавах распашонки, цвет кожи у него был хороший – розовый, здоровый. Мягкие темные волосики стояли торчком, будто он только что побывал в аэродинамической трубе.

– В прошлом году я была только с тобой, больше ни с кем, – проговорила Татьяна, склоняясь к малышу. Ее черные кудри легли на плечо Жан-Пьера. – Он твой.

– Нет вопросов. – В этом он не сомневался. То, что она скрыла от него свою беременность, его очень сильно расстроило, и все же он знал ее достаточно хорошо, чтобы понимать: эта женщина крайне разборчива в своих связях.

– Его нужно докормить. – Она потянулась к ребенку.

Он беспрекословно вернул ей младенца и, не сводя взгляда, наблюдал за тем, как она снимает платье с плеча, пристраивает мальчика к полной груди и помогает ему взять в ротик темно-розовый сосок.

– Ты такая… – Красивая, подумалось ему, но вслух он этого почему-то не произнес. – Такая спокойная. Обращаешься с ним так непринужденно.

– Я провела с ним много времени. – Она прикусила губу, видимо догадавшись, что эти слова могут больно ранить его. Когда она повернулась к нему, в ее глазах блестели слезы. – Никто не предупредил меня, насколько все это эмоционально. – Она коснулась трясущейся рукой сначала одного глаза, потом другого. – Я знаю, что гормоны беременности способны сделать из женщины размазню, но я действительно чувствую себя совершенно иначе после его рождения. Ты ведь знаешь, я не из тех людей, кто делает опрометчивые

замечания перед прессой, и все же сегодня я так нервничала по поводу того, что я должна буду увидеться с тобой и все тебе рассказать, что не придала своему комментарию никакого значения.

– Я прекрасно помню свой пубертатный период и знаю: гормоны – это страшная сила.

Она невесело усмехнулась:

– Я зарабатываю себе на жизнь рационализмом. Логикой. У меня такое чувство, будто мне полностью сменили программное обеспечение.

Она махнула рукой в сторону журнального столика – открытая пачка памперсов, какие-то баночки, стопка салфеток. Беспорядка не было, но для женщины, которая привыкла представать перед миром в идеальном образе, эта сцена, возможно, граничила с хаосом.

Она очень нервничала, боялась ему признаться. И его вина в этом тоже есть, учитывая то, как он ушел от нее прошлой зимой.

– А ты помнишь, как прыгнул со второго этажа в ваш бассейн? Я была тогда на твоем заднем дворе и все видела. – Улыбка преобразила ее лицо. Она перевела взгляд на малыша.

И у Жан-Пьера тут же перехватило дыхание. Неудивительно, что сегодня вечером она так хорошо выглядела. Ее окутывает золотое сияние молодой матери.

– Незначительное растяжение – небольшая цена за серьезное повышение статуса, которое я получил из-за этого прыжка.

Ему было нужно, чтобы она улыбалась. Расслабилась. Доверилась ему.

Потому что он начал строить планы с того самого мгновения, как узнал о том, какой невероятно огромный секрет она скрывала.

– И все же я думаю, что буду прислушиваться к своему разуму, даже будучи под влиянием гормонов.

– Справедливо. Но поскольку ты женщина рассудительная, я полагаю, что согласишься со мной по поводу повестки дня. – Он коснулся сгиба ее руки. – Нужно рассказать нашим родным.

Она посмотрела ему в глаза, и он увидел в них огонь.

Она была красивой женщиной. Умной, трудолюбивой женщиной. И их неодолимо тянуло друг к другу.

– Но первым делом мы должны пожениться.

Слышать, как мужчина, по которому ты когда-то сходила с ума, предлагает тебе фиктивный брак, хотя ты его больше не волнуешь, – настоящая пытка.

Господи, как ей оставаться спокойной и неуязвимой, когда у нее на руках их ребенок. Она была обнажена во всех смыслах этого слова и всего лишь на миг позволила себе окунуться в тепло сидящего рядом Жан-Пьера, радуясь вместе с ним этому маленькому чуду.

Татьяна осторожно положила малыша на плечо и поправила платье, пряча грудь. Потом потрепала сына по спинке и немного успокоилась, предаваясь нехитрым материнским радостям. Ей нужно быть сильной ради Сезара, невзирая на то что равнодушное предложение Жан-Пьера всколыхнуло в ней старые чувства.

– В последний раз, когда мы с тобой виделись, ты выразился вполне определенно, заявив, что наша ночь была ошибкой и это больше никогда не повторится. – Хвала Богу, ее голос даже не дрогнул, когда она это произнесла. Она выпрямилась и посмотрела на Жан-Пьера. – Давай не будем обманывать себя глупыми мыслями о том, что можно перейти от враждебности к браку, не важно, каковы наши цели и насколько хладнокровно мы будем их преследовать. Может, ты суперстратег футбола, но Сезар и я – не мячики, которые перемещаются по полю по твоему желанию.

Жан-Пьер выгнул бровь:

– Насколько я понимаю, ты ответила мне отказом?

С трудом сглотнув, она кивнула и повторила его слова:

– Определенно да.

– Тогда я не стану сдаваться и спрошу еще раз.

– А я не стану этого терпеть и выгоню тебя вон, если ты не будешь уважать моих желаний, – категорично заявила она, моля Бога о том, чтобы Жан-Пьер не включил свое обаяние, перед которым она никогда не могла устоять. Решимости у нее и без того было маловато.

– Ладно, пусть будет так. Пока. Потому что я очень хочу остаться. Можно мне подержать его? – спросил Жан-Пьер, уже забирая у нее Сезара. – Ты, наверное, очень устала.

Она хотела возразить, потому что теплое крохотное тельце сына успокаивало ее, но действительно чувствовала себя измотанной. К тому же она не могла жаловаться на то, что отец хочет провести время с сыном. Особенно если учесть, что она уже украла у отца с сыном пять недель общения.

– Спасибо. – Она накинула ему на пиджак пеленку, стараясь не замечать, насколько изумительное зрелище представляет собой этот сильный мужчина со своим сыном – их ребенком – на руках и с какой нежностью он его держит. – Мне совсем не хочется спускать его с рук, но первую неделю я вообще с ног валилась.

– Жаль, что меня не было рядом, чтобы помочь тебе, – сказал он просто, никого не обвиняя. – Воспитание детей – это командный вид спорта. – Он пару раз погладил младенца по спинке, вызвав необходимую отрыжку, потом надежно устроил его на сгибе руки. – Вот почему я предложил тебе брак. Если мы будем работать вместе, это только пойдет на пользу нашему сыну.

– Не думаю, что ребенок будет рад расти с родителями, которые несчастливы вместе, но заставляют себя жить под одной крышей ради него. Будет лучше выработать условия совместного воспитания. – Она поправила платье, чувствуя себя растрепанной и перевозбужденной.

Она знала, что это глупо, но думала лишь о том, как она сейчас выглядит.

– Представляю, что скажет твой отец по поводу идеи совместного воспитания ребенка из разных домов. – Он укутал ножки малыша, подвернув одеяльце.

– Мой отец всегда занимался своими игроками больше, чем дочерью, так что мне совет Джека Дусе по этому вопросу не требуется.

Она любила отца, но не раз была свидетелем того, как он потакает знаменитым спортсменам, предоставляя им неправомерные льготы. Подростком она всегда обижалась, что он проводит больше времени с командой, готовый потратить на нее даже свои выходные, при этом не показываясь на чемпионате дочери по дебатам или любом другом значимом для нее мероприятии.

Наверное, Жан-Пьер в чем-то прав и отец действительно разочаруется, услышав подобные новости, однако она давно уже научилась не принимать решения только для того, чтобы угодить кому-то. Она полагалась исключительно на себя и больше ни на кого.

– Конечно, – неожиданно легко согласился с ней Жан-Пьер. – Нам обоим о многом надо подумать. Поговорим завтра. Я могу уложить его за тебя, если ты хочешь спать. – Он дотронулся до ее руки, и это проявление нежности всколыхнуло в Татьяне эмоции, не дававшие ей покоя в последнее время.

Но не важно, насколько добр он сейчас, она не должна забывать, как он ушел от нее.

– У меня есть ночная сиделка. Она его заберет. Она прекрасно знает свои обязанности. – Она заглянула в глаза Жан-Пьера и тут же отвела взгляд. – Прости меня. Скоро ты сможешь это сделать, но давай сегодня не будем все усложнять.

Высвободившись от его руки, Татьяна потянулась к младенцу. Она чувствовала себя совсем разбитой. Она не представляла, что разговор с Жан-Пьером окажется настолько тяжел для нее.

Но теперь он знал правду, и у нее словно камень с души свалился.

– Я уверен, что ночная няня превосходна. – Он не отдал ей спящего малыша. – Но поскольку я потерял несколько недель, которые нам уже никогда не наверстать, я буду очень признателен, если мне разрешат уложить мальчика самому.

– Иди за мной, – сдалась она и встала с диванчика.

Она повела его вверх по винтовой лестнице своих апартаментов.

– Тебе обязательно подниматься по такой длинной лестнице? – Он неожиданно оказался рядом с ней, положив руку ей на поясницу.

– Ничего страшного. Кесарево сечение мне не делали, так что я в отличной форме.

– Надеюсь, ты заботишься о себе.

В детской их встретила няня, но тут же вежливо удалилась в свою комнату, расположенную через коридор.

– Забочусь. Я жду не дождусь, когда можно будет класть его в коляску и ходить с ним гулять, осталось только рассказать обо всем родным. Свежий воздух пойдет на пользу нам обоим.

Склонившись над антикварной кроваткой – она приобрела ее по Интернету и оплатила доставку еще до своего прибытия с Карибского моря, – Татьяна отогнула голубое детское одеяльце. Вся комната была оформлена в голубых тонах.

Ей понадобится много свежего воздуха после разговора с отцом. Он всегда устанавливал для нее слишком высокую планку. Даже когда она занимала верхние позиции по успеваемости в своем классе или раньше срока стала

младшим партнером в фирме, она чувствовала прессинг его ожиданий. А сейчас? Она даже не представляет, как он отреагирует на то, что его первый внук – Рейно.

– Мы можем навестить твоих родителей уже утром. Но потом мне нужно будет уехать в Новый Орлеан. – Он наклонился и положил сына рядом с игрушечным китенком.

Поднимаясь, он задел широким плечом морскую звезду на вращающемся модуле над кроваткой и этим движением извлек несколько нот нежной мелодии.

– Ты едешь туда, чтобы рассказать своей семье о Сезаре? – Она знала, что его родители, Тео и Алессандра Рейно, давно разведены и больше не живут в Луизиане. Алессандра работает в Голливуде. Тео раскатывает по всему миру, прожигая семейные накопления. Но дед Жан-Пьера, Леон, все еще является в глазах общественности патриархом клана Рейно.

Тот самый Леон, который уволил отца Татьяны и создал Великий Раскол Рейно – Дусе. У нее скрутило живот от мысли, что придется вновь встретиться с ним.

– Семья подождет. – Жан-Пьер стоял и смотрел на нее в мягком голубом свете ночника, его сильное, спортивное тело излучало тепло. – Мы должны отправиться туда вместе, чтобы выполнить обещание, которое я дал в вечернем интервью. Я объявил миру, что ты станешь гостьей Рейно до начала игры между «Гладиаторами» и «Ураганами».

– Я не понимаю. Ты же видишь, что это невозможно. – Она махнула рукой в сторону колыбельки, где спал Сезар. – Я не могу уехать из Нью-Йорка.

– Мы теперь одна семья, Татьяна, хочешь ты этого или нет. – В его голосе звучало терпение, но, судя по языку жестов, оно было на исходе. Он навис над ней, напряженный и непреклонный. – Теперь ты тем более должна поехать со мной в Луизиану, ведь нам надо выработать условия совместного воспитания мальчика.

Она посмотрела на малыша, безмятежно сопящего и не подозревающего о проблемах родителей. Она знала, что Жан-Пьер прав. Им нужно найти способ вместе воспитывать ребенка, хотя никакой свадьбы не будет. И никакого

показного романа, чтобы скрыть враждебность, тоже.

Может быть, со временем она добьется для своего сына мирного будущего, точно так же, как она добивается свободы для своих клиентов в суде. Она найдет способ справиться со своими гормонами и противоречивыми чувствами, которые до сих пор питала к Жан-Пьеру.

– Мне потребуется отдельная комната, – в итоге проговорила она, закладывая основу для этого очень рискованного компромисса. – Я поеду с тобой, но участвовать в спектакле перед прессой или твоими родными не стану. Я просто не смогу.

– Хочешь сказать, ты не будешь притворяться, что тебе нравится отец твоего ребенка? – приподнял он бровь.

Сердце ее пустилось вскачь.

– Хочу сказать, что мы не будем намекать на помолвку или неизбежную свадьбу, которой, как мы оба знаем, не бывать.

– Договорились. – Его быстрое согласие явно застало ее врасплох. Он взял ее за руку. – Даю слово.

Его прикосновение пробудило в ней воспоминания о том дне, когда они тоже стояли вот так, лицом к лицу, и горячо спорили о судебном процессе. Наверное, он дотронулся до нее тогда, чтобы подчеркнуть свои слова. И в этот миг началась химическая реакция, за которой последовал взрыв. Они не смогли оторваться друг от друга. Если она не будет осторожна, это может повториться вновь, прямо сейчас.

– Ну, тогда спокойной ночи и приятных снов. – Он поднес ее руку к своим губам и легонько поцеловал ее пальчики, словно это было самой естественной вещью на свете. – Я заеду за тобой утром, чтобы мы могли вместе поговорить с твоим отцом, я буду рядом с тобой. И никак иначе.

Она кивнула. Во рту у нее пересохло, кожа горела от его поцелуя. Она смотрела, как Жан-Пьер уходит. Она думала, что рассказать ему о ребенке будет сложной

задачей. Но теперь, глядя на то, как ее тело реагирует на него, она поняла, что нет задачи сложнее, чем сопротивление чарам Рейно.

Глава 3

Между играми в НФЛ у Жан-Пьера была неделя, чтобы разработать стратегию. Он изучал соперника, выискивая слабые места игроков и способы воспользоваться этими слабостями. Он разрабатывал план игры и вносил в него коррективы вплоть до того момента, пока не выходил на поле.

С Татьяной у него не было даже этой недели.

У Жан-Пьера оказалось в запасе всего двенадцать часов, чтобы осознать тот факт, что он стал отцом, прежде чем предстать с этими новостями перед ее родными и огорошить их. Двенадцать часов на то, чтобы составить план, когда весь его мир перевернулся с ног на голову. Полчаса назад они стояли в гостиной Дусе и докладывали им последние вести с полей. Все прошло более или менее гладко, однако теперь Жан-Пьеру предстояло встретиться со своим тренером один на один. В соседней комнате женщины радостно щебетали и передавали Сезара с рук на руки, когда Джек Дусе с мрачным видом захлопнул за собой дверь и обернулся к Жан-Пьеру:

– Ты просто ублюдок.

Покрасневший от ярости тренер сверкал на своего провинившегося игрока глазами, полными гнева. Бывший защитник команды колледжа, за годы работы тренером Джек покруглел, обзавелся животиком и мягкими щечками, указывавшими на то, что он ведет весьма комфортную жизнь и ни в чем себе не отказывает.

Но сейчас, глядя Джеку в глаза, Жан-Пьер не сомневался, что тот способен нанести смертельный удар, если решит выйти против него войной.

– Она мне тоже ничего не сказала. – Жан-Пьер заговорил первым, припоминая, как тренер запустил шлем через всю раздевалку в голову новичка за то, что тот

не выполнил его распоряжения. – До вчерашнего вечера я сам ничего не знал, а сегодня я уже здесь…

– Не пори чушь. Мужчина всегда знает, что такое может случиться. – Джек сжал кулаки и набычился. – Мы, между прочим, о моей дочери говорим!

– И о моем сыне. – Жан-Пьер старался не повышать тона, помня о сидящих в соседней комнате женщинах. – И поскольку мы оба хотим защитить наши семьи, я предлагаю провести дискуссию так, чтобы не пострадали чувства женщин, которые находятся за этой дверью. – Его сердце бешено колотилось в груди.

– Как бы мне ни хотелось двинуть тебе по челюсти, даже если бы это вывело тебя из игры в чемпионате, Рейно, в твоих словах есть смысл. – Отец Татьяны резко развернулся на каблуках, подошел к бару и плеснул себе добрую порцию ирландского виски из бутылки на серебряном подносе.

Жан-Пьер наделся, что алкоголь остудит его. Он стоял и терпеливо ждал, пока Джек возьмет себя в руки, и они смогут продолжить разговор.

По всему кабинету были развешаны фотографии и вырезки о карьере Джека в качестве главного тренера Нью-Йорка. Самые внушительные фото запечатлели эпизоды двух полуфиналов и Суперкубка, выигранного четыре года назад. Снимков Джека со времен его работы в качестве помощника Леона Рейно в «Мустангах» не было, несмотря на то что эти двое подняли команду на небывалую высоту, разработав новый, скоростной стиль нападения, скопированный впоследствии другими членами лиги, и их рекорды до сих пор никто не побил.

Джек порвал все связи с Леоном и семейством Рейно и ни с кем из них не общался, пока ему не потребовался сильный квотербек для «Гладиаторов». Но и тогда тренер не встретил Жан-Пьера с распростертыми объятиями и не слишком старался с комфортом устроить его в Нью-Йорке. Они просто работали над общими задачами, стараясь вновь превратить «Гладиаторов» в мощную команду.

– А у тебя чертовски крепкие нервы. – Джек хлопнул стаканом по столу и развернулся к Жан-Пьеру. – Я пригласил тебя в Нью-Йорк, чтобы ты получил шанс выйти из тени своей семьи. Чтобы ты начал свою собственную игру. И вот

чем ты отплатил мне за это! – прорычал он, крепко ухватившись за горлышко бутылки с виски.

– Я бы хотел отплатить вам вашей же монетой и попросить не пороть чушь. Вы пригласили меня сюда не по велению доброго сердца. Я был нужен вам, чтобы выигрывать. И я не подвел вас.

Джек молча поскреб лысеющий затылок.

– Я сделал то, чего вы от меня хотели, – продолжал тем временем Жан-Пьер. – Прекрасно сыграл свою роль. Может, даже слишком хорошо, черт побери. Одно дело просить меня выигрывать матчи, совсем другое – держаться подальше от Татьяны.

Он мысленно вернулся на десять лет назад, когда она встала на сторону своей семьи и заявила, что между ними все кончено. Но их чувства не исчезли без следа просто из-за того, что Джек Дусе велел своей дочери забыть о Жан-Пьере. Они таились в глубине их души и вырвались на свободу при первой же возможности – там, в зале суда, когда он схлестнулся с ней после заседания.

– Мне не следовало принимать тебя в «Гладиаторы», – пробормотал Джек, наливая себе третью порцию.

– Помимо побед я обеспечил вам стабильность в раздевалке, без которой невозможно держать команду стареющих ветеранов и диких новобранцев на одной волне. Если вам не нравится то, что я делаю, я буду рад пересмотреть условия нашего контракта.

Зная, что это проблема не сегодняшнего дня, Жан-Пьер размышлял только о том, как скоро он сможет уйти из дома Дусе вместе с Татьяной и его сыном, не нарушая приличий.

Его сын.

Он все еще не мог думать о величии этой новости без душевного трепета. Однако надо срочно преодолеть этот трепет, чтобы защитить будущее Сезара. Ему нужно столько всего организовать. И самое главное – убедить Татьяну

остаться с ним.

Однако этой цели ему никогда не достичь, если ее отец будет злиться на него. Но, черт побери, он обязан обеспечить Сезару стабильность в жизни, которой у него самого никогда не было. Незаконнорожденный сын Тео – единокровный брат Жан-Пьера Дэмпси – страдал от последствий выбора их отца всю свою жизнь. Жан-Пьер не желает ничего подобного для Сезара.

– Меня не волнует, установишь ли ты новый футбольный рекорд в этом сезоне. – Джек повысил голос, прогоняя серого полосатого кота, уютно устроившегося на кожаном кресле за письменным столом. Животное спряталось за красной занавеской и принялось смотреть на Центральный парк. – Я хочу, чтобы моя дочь была счастлива, а внук получил имя.

– У него уже есть мое имя. И моя защита. Все ресурсы моей семьи к его услугам. – Он не спал почти всю ночь, прорабатывая со своим адвокатом детали, чтобы как можно скорее дать ход этому делу.

– Давай проясним ситуацию. – Джек помахал пальцем прямо перед носом Жан-Пьера. – Я хочу, чтобы у моего внука было имя, и это не Рейно.

– Тем не менее я сделаю все возможное, чтобы позаботиться и о Татьяне тоже. Вы не хуже меня знаете, что быть Рейно означает ни в чем никогда не нуждаться.

– Хочешь сказать, ты женишься на ней? – Переваривая эту информацию, Джек подошел к коту, взял его на руки и погладил по большой голове.

– Она попросила меня не давить на нее в этом отношении, и я выполню ее желание.

– Но ты позаботишься о том, чтобы это произошло. – Тренер встретился с ним глазами поверх кошачьей головы.

Это был приказ, а не вопрос. Может, Жан-Пьер и возмутился бы, не будь он того же мнения.

– Таково мое намерение. Да. Но мне любопытно. Вы не будете против воссоединения семей? Невзирая на великий раскол? – Он прекрасно помнил те времена, когда Дусе забрали у Татьяны машину в наказание за то, что она ездила к нему на свидание.

– Ты не оставил мне выбора.

– У меня есть две недели в Новом Орлеане. Даже такая упрямица, как она, не сумеет удержать позиций. Надеюсь, что посещение свадьбы моего брата заставит ее передумать.

– Я не слишком уверен, что этот план сработает. Ей придется еще немного подержать ребенка в секрете, – пробормотал ее отец. – Старый Леон, должно быть, охраняет свое поместье не хуже Форт-Нокса, учитывая присутствие иностранной принцессы.

– Там все под контролем. Никакой прессы не будет, если Татьяна сама не решит поговорить с репортерами. – На самом деле он не рассматривал вариант сохранения тайны рождения Сезара чуть дольше. Но может, Джек прав. Сейчас интерес прессы к Рейно и без того не в меру высок. – Я не буду ни на чем настаивать.

– Отлично. – Джек усадил кота в кресло. – Надеюсь, новость о рождении моего внука совпадет по времени с объявлением о вашей свадьбе.

Жан-Пьер не стал спорить с Джеком. Но когда он вместе с ним направился к двери, то не мог не напомнить ему о еще одной немаловажной вещи.

– Татьяна сама должна подойти к идее о свадьбе, поскольку она уже вынесла свой вердикт по этому вопросу. – Он прекрасно знал Татьяну. Она очень упрямая женщина, и заставить ее передумать практически невозможно. Он видел это в суде.

– Так тому и быть. – Джек распахнул дверь и жестом пригласил Жан-Пьера выйти из кабинета первым. – Потому что, если этого не случится, можешь подыскивать себе другую команду. Если ты не осчастливишь старика, сынок, я сделаю все, чтобы поставить крест на твоей карьере, это я могу тебе гарантировать.

– Я скучала по этим местам. – Татьяна смотрела в окошко роскошного SUV с шофером, который встретил их в частном аэропорту Нового Орлеана.

Испанский мох свисал с крепких дубов, окаймлявших подъездную дорожку к поместью Рейно на озере Пончартрейн в эксклюзивном районе Метэри, Луизиана, к западу от города. На мелководье сгрудились понтонные лодки, длинные пирсы уходили в стелящийся над водой туман и терялись вдали. Сады были роскошны и зелены, почва настолько плодородна, что требовалась целая команда садовников, чтобы бороться с сорняками, которые в ином случае в считаные недели захватили бы все поместье.

Она это знала, потому что у ее семьи был такой же двор, когда ее отец работал на техасскую футбольную команду, он в мгновение ока зарастал сорняками. Дусе даже теперь были не столь богаты, как Рейно, и роскошные апартаменты на Централ-Парк-Уэст – недавнее приобретение. Когда же Татьяна ходила в местную приготовительную школу, они с матерью обитали в небольшой квартирке в кондоминиуме в Батон-Руж, а отец оставался в Восточном Техасе вместе с «Мустангами».

Жан-Пьер сидел с ней рядом, Сезар мирно спал в детском автомобильном кресле на сиденье напротив. Поездка прошла гладко. Недолгая дорога в такси по Нью-Йорку сменилась быстрым перелетом на частном самолете, и вот теперь они сидят в просторном SUV с шофером Рейно, который позаботился об их багаже. Татьяне очень хотелось знать, что произошло между Жан-Пьером и ее отцом за закрытыми дверями кабинета, но она выяснила лишь то, что ее отец предложил не показывать Сезара прессе как можно дольше, и это имело определенный смысл. Сначала надо решить, как распределить обязанности по воспитанию малыша.

Жан-Пьер заверил Татьяну, что Сезару уже готовят детскую в Луизиане, поэтому брать с собой кучу вещей не пришлось. Ночная няня прилетит в Новый Орлеан чуть позже, а до тех пор Люсин-де будет помогать местная прислуга.

Татьяне пришлось признать, что Жан-Пьер устроил поездку по высшему разряду. Ей не о чем было беспокоиться. И хотя она догадывалась, что он будет опекать ребенка, где-то в глубине ее души засел страх, что он будет слишком зол на нее за то, что она скрыла от него свою беременность и появление Сезара на свет,

чтобы проявлять подобную заботу. Она практически не спала всю предыдущую ночь, думая, как встретит сегодня ее он сам, не говоря уже о его родне.

– Когда я в отъезде – все время скучаю по этому городу, – признался он ей. Жан-Пьер наклонился к окну, чтобы посмотреть вместе с ней на озеро, – большой, сильный мужчина, такой нужный ей.

Дорога свернула, и Татьяна увидела особняк в греческом стиле. Раньше его тут не было.

– Вот это да! – Ее восхитило, насколько гармонично новое здание вписалось в пейзаж, не перебивая красоту главного дома, в котором вырос Жан-Пьер, и который она сама посещала подростком еще до того, как они начали встречаться, поскольку ее отец работал с Леоном Рей-но и часто гостил у него. – Жерве построил его для своей будущей жены?

– Нет. Его построил Дэмпси, когда занял место главного тренера «Ураганов». Жерве и Эрика живут в центральном здании. – Жан-Пьер указал на особняк на другой стороне улицы, раза в два превышающий своими размерами греческий домик. – А мы с Генри делим уродца в итальянском стиле, которого Леон приобрел для гостей во времена нашего детства. Помнишь его?

– Заброшенный дом, где ты собирался отмечать мой семнадцатый день рождения? – Ей стало жарко от этих воспоминаний. Тогда она уже была так сильно влюблена в него, что была готова отправиться за ним куда угодно. Хоть на край света. Или в здание, обнесенное забором и поставленное на ремонт.

Он как раз начал ходить в ее школу, и они стали проводить вместе больше времени. Они и прежде часто виделись на футбольных матчах или на летних каникулах, ведь их семьи дружили в течение многих лет, до раскола было еще далеко. Но как только Жан-Пьер перешел в ее школу, все изменилось. Она не могла оторвать от него глаз.

В те выходные в доме Рейно – ее день рождения – они перестали быть просто друзьями после того, как он поцеловал ее.

– Признайся, я приготовил тебе чертовски вкусный торт.

– Или, лучше сказать, ваш повар.

– Но как ты думаешь, откуда он узнал, что нужен именно малиново-миндальный торт с фиолетовой глазурью?

– Да, тогда я была не на шутку влюблена в фиолетовый цвет.

Она прямо растаяла, когда он внес этот торт с семнадцатью зажженными спичками, потому что про свечки он забыл. Они съели его на пирсе у лодочного домика, и она сказала ему, что теперь уже достаточно взрослая, чтобы стать его девушкой.

Ему было целых восемнадцать лет, и он был гораздо опытнее других мальчиков, которых она знала, но с младшими девочками предпочитал не связываться. Однако она проявила небывалую настойчивость.

– С тех пор мало что изменилось. – Он дернул ее за подол юбки – шелк цвета лаванды с более темной канвой.

Проделывая это, он случайно задел ее колено, и по ее телу стрелой пронеслась волна возбуждения.

– Между прочим, я только недавно вернулась к ярким цветам. Несколько лет я куталась в темно-синий и бежевый. – Она безумно устала от консервативного гардероба, который диктовала ее карьера, пока недавно ей не предоставилась возможность носить что пожелается, и тут же появились яркие цвета, блестки, перья и бахрома.

– Все, что угодно, лишь бы выиграть дело, – сухо прокомментировал он, явно подумав о гражданском иске против его приятеля.

– Надеюсь, ты не ждешь, что я стану извиняться за то, что хорошо делаю свою работу. – Они вполне могли поговорить на данную тему, поскольку это стало поводом для их последней ссоры и причиной, по которой он ушел от нее, заявив, что их ночь была ошибкой. – Решать, что правильно, а что нет, – задача присяжных. Мне же платят за то, чтобы я выигрывала. Как и тебе.

Она положила телефон в сумочку, когда автомобиль притормозил у оштукатуренного итальянского особняка, который подновили и побелили с тех пор, как она его видела в последний раз. Их водитель, бывший игрок «Ураганов» по имени Эван, открыл для них заднюю дверцу и стал доставать чемоданы.

Однако Жан-Пьер не двинулся с места.

– Ты никогда не верила в победу любой ценой, – заявил он.

– Это было до того, как я поняла: если не сражаться за себя, никто за тебя бороться не станет. – Она хотела освободить из креслица Сезара, но Жан-Пьер опередил ее:

– Позволь мне.

Положив ребенка на согнутую руку, он вышел из машины и помог выбраться Татьяне. И не отпустил ее руки после того, как она тоже шагнула под жаркое солнце Луизианы.

– Ты действительно считаешь, что я недостаточно упорно боролся за тебя тогда?

Ей не было нужды уточнять, о чем он толкует. Она очень обиделась, что он не приложил больше усилий, чтобы увидеться с ней, наплевав на запреты родных.

– Это уже древняя история.

Она ни за что не признается ему, что ей до сих пор больно.

Особенно теперь, когда она должна позаботиться о своем будущем и о будущем своего сына. Чем реже оглядываешься назад, тем лучше.

– Надеюсь на это. У нас впереди целое будущее. – Он положил руку ей на спину, помогая подняться по ступенькам к входной двери. – Совместное.

Как обычно, его прикосновение пробудило в ней настороженность. И особенно сильно она проявилась сейчас, когда они переступали порог его дома с их сыном на руках.

Она проведет две недели в стенах здания, в котором Жан-Пьер чуть не соблазнил ее десять лет тому назад. Сумеет ли она устоять перед его чарами именно здесь, где их окружают нежные воспоминания? К счастью, у нее есть Сезар, он напомнит ей о том, что важно, а что нет. Она не позволит загнать себя в ловушку брака без любви. Детям такое окружение только во вред.

– Я уверена, что мы сумеем договориться и разработать справедливое соглашение. – Прекрасно разбираясь в законах, она уже успела набросать несколько вариантов договора о совместном воспитании малыша, но не хотела затевать дискуссию прямо сейчас. Пусть сначала пройдет несколько дней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/rok_dzhoanna/nich-ya-v-lyubovnoy-igre

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити